

15 мая. ❀

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

❀ 1913 года.

Холмская Церковная Жизнь.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, съ безплатнымъ прибавленіемъ: «Холмскій Народный Листокъ». Цѣна годовому изданію съ пересылкой 5 р. Отдѣльные номера по 20 коп., съ пересыл. по 25.

Адресъ редакціи. г. Холмъ. Любл. г. Духовная Семинарія. Плата за объявленія: за 1 страницу — 4 р., ¹/₂ стр. — 2 р. 25 к. за строку — 15 к. Многократн. объявл. по соглашенію.

Въ присылаемыхъ статьяхъ редакція оставляетъ за собой право дѣлать измѣненія и сокращенія. За храненіе рукописей редакція не отвѣчаетъ и за свой счетъ обратно ихъ не высылаетъ.

Подъ Твоею милостію
привѣтаемъ, Богородице Дѣво.

Рукописи, присылаемыя въ редакцію, слѣдуетъ писать четко и разборчиво.

Рукописи безъ заявленія о гонорарѣ считаются безплатными.

№ 10.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 10.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Евлогія, Архіепископа Холмскаго и Люблинскаго.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе по ходатайству Начальника Россійской Духовной Миссіи въ Урміи о принятіи мѣръ къ прекращенію незаконныхъ сборовъ по епархіямъ въ Россіи сирійцами-выходцами изъ Персіи и Турціи. Приказали: Изъ числа Урмійскихъ (въ Персіи) и Курдистанскихъ (въ Турціи)

сирійцевъ, въ значительномъ числѣ отправляющихся ежегодно въ Россію на заработки, очень многіе идутъ сюда не для честнаго труда, а чтобы обманывать православный русскій народъ. Это такъ называемые „хачаковы“, по-русски—крестопродавцы. Часто, не имѣя священнаго сана, а лишь называя себя священниками и діаконами, запасшись къ тому-же подложными свидѣтельствами за печатами не существующихъ иногда епископовъ и выдавая себя то за грековъ изъ Палестины, то вообще за христіанъ Востока, мучимыхъ мусульманами, эти любители легкой наживы собираютъ среди сердобольнаго русскаго народа большія деньги то, якобы, на Гробъ Господень въ Іерусалимѣ, то на построеніе храмовъ и школъ въ Урміи и т. п., возвращаясь-же на родину, заживаютъ богато. По донесенію Начальника Духовной Миссіи, Архимандрита Сергія, у недавно арестованнаго, при посредствѣ нашего вице-консульства, одного изъ такихъ обманщиковъ, по возвращеніи его въ Урмію, была отобрана сборная книга, судя по которой, въ одинъ годъ имъ собрано отъ 2 до 5 тысячъ рублей, при чемъ въ книгѣ имѣются разрѣшающія сборъ по городамъ и селамъ подписи лицъ духовной и гражданской администрацій. По сообщеніямъ самихъ сирійцевъ, этотъ постыдный промыселъ начался со времени похода, въ 1827 году, графа Паскевича въ Персію. Тогда уже начали отправляться въ Россію сборщики-сирійцы, которыхъ, бывало, въ захолустныхъ селахъ встрѣчали нерѣдко съ колокольнымъ звономъ, какъ желанныхъ гостей изъ св. мѣстъ древняго Востока. Теперь-же число такихъ сборщиковъ особенно возросло, такъ что въ Урміи есть цѣлыя села, жители коихъ занимаются прибыльнымъ странничествомъ по Россіи въ качествѣ духовныхъ лицъ-сборщиковъ, причемъ и по возвращеніи домой они сохраняютъ длинные волосы. Центромъ, гдѣ собираются эти мирные грабители, направляясь на свой промыселъ, въ настоящее время служатъ Армавиръ, Кубанской области. Отсюда они направляются обычно въ Ставрополь, Ростовъ на Дону, Таганрогъ, Мариуполь и другіе города, перебираясь и въ Сибирь.—Какъ усматривается изъ сообщенной Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ переписки и изъ справки по настоящему дѣлу, вопросъ о принятіи мѣръ противъ означенныхъ незаконныхъ сборщиковъ возникалъ еще въ самомъ началѣ 1890-хъ годовъ, когда, по просьбѣ Ставропольскаго Епархіальнаго Начальства, бывшимъ тогда Главноначальствующимъ гражданскою частью на Кавказѣ, генералъ-адъютантомъ Шереметевымъ, было сдѣлано циркулярное пред-

ложение губернаторамъ, отъ 30 Ноября 1891 года за № 11182, о принятіи всѣхъ зависящихъ отъ нихъ мѣръ къ недопущенію возмутительной эксплуатаціи населенія заграничными выходцами-сборщиками. Въ 1909 году такое предложеніе, вслѣдствіе ходатайства Начальника Урмійской Миссіи, было подтверждено И. д. Намѣстника ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказѣ, отъ 20 Августа за № 18030. По тому-же вопросу о принятіи мѣръ противъ незаконныхъ сборщиковъ-сирійцевъ, по соглашенію Святѣйшаго Синода съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, названнымъ Министерствомъ въ Іюль 1911 года сдѣлано циркулярное распоряженіе, чтобы въ случаѣ появленія выходцевъ изъ Персіи и Турціи, заявляющихъ о своей принадлежности къ православному духовенству и прибывающихъ въ Россію безъ надлежащаго разрѣшенія, каковыя обычно занимаются незаконнымъ сборомъ пожертвованій, губернскія начальства дѣлали представленія о безвозвратной высылкѣ такихъ выходцевъ за границу распоряженіемъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Затѣмъ, вслѣдствіе сдѣланнаго Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ сношенія, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 20 Декабря 1911 года—18 Января 1912 года за № 10039, Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, сдѣлано было по своему вѣдомству, въ Мартѣ 1912 года, новое распоряженіе, чтобы персидскіе подданные—сирійцы, именующіе себя священнослужителями и изболѣченные въ недозволенномъ сборѣ пожертвованій, привлекались къ судебной отвѣтственности и высылались за границу не ранѣе отбытія опредѣленнаго судомъ наказанія, если къ послѣднему будутъ присуждены.—Нынѣ Архимандритъ Сергій ходатайствуетъ, чтобы Святѣйшимъ Синодомъ сдѣлано было циркулярное предупрежденіе всѣмъ Епархіальнымъ Преосвященнымъ о существованіи и дѣятельности обманныхъ сборщиковъ—сирійцевъ съ пропечатаніемъ предупрежденія въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, для поставленія въ извѣстность и низшаго духовенства, которое съ своей стороны могло-бы дѣлать разъясненіе и предупрежденіе простому народу.—Обсудивъ изложенное и принимая во вниманіе, что еще въ 1864 году, циркулярнымъ указомъ отъ 6 Іюля означеннаго года, Святѣйшимъ Синодомъ было предписано Епархіальнымъ Начальствамъ имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы иностранцамъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ, отнюдь не дозволялось производить сборы подаваній въ пользу заграничныхъ церквей и монастырей, когда не будетъ изъ Святѣйшаго Синода извѣщенія о данномъ на

таковой сборъ разрѣшеніи, съ тѣмъ, чтобы, если и послѣ того окажутся по епархіямъ самовольные сборщики подаяній, благотворительные и церковные причты тѣхъ мѣстностей за поущеніе таковыхъ сборовъ въ своихъ благотворительныхъ и приходахъ подвергались строжайшимъ взысканіямъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: подтвердить Епархіальнымъ Начальствамъ о необходимости имѣть строжайшее наблюденіе за появленіемъ иностранныхъ самозванныхъ сборщиковъ на церковныя нужды, преимущественно изъ сирийцевъ, Персидскихъ или Турецкихъ выходцевъ, и въ случаѣ появленія таковыхъ сборщиковъ, за чѣмъ благотворительные и церковные причты должны слѣдить по своимъ благотворительнымъ и приходамъ, сообщать о томъ гражданской администраціи, на предметъ привлеченія сказанныхъ сборщиковъ къ судебной ответственности и высылки ихъ за границу, — о чемъ, для исполненія, и послать Епархіальнымъ Начальствамъ, а равно Святѣйшаго Синода Конторамъ, Завѣдывающему придворнымъ духовенствомъ и Протопресвитеру военного и морского духовенства циркулярные указы. Марта 22 дня 1913 года.

Указъ этотъ сообщается къ свѣдѣнію и надлежащему руководству духовенства Холмской епархіи.

Епархіальныя извѣстія и распоряженія.

Архипастырская благодарность.

Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Евлогіемъ, Архіепископомъ Холмскимъ и Люблинскимъ выражена благодарность: діакону Спасо-Преображенской церкви гор. Люблина Михаилу *Голозову* за усердный и безвозмездный трудъ преподаванія Закона Божія въ Люблинской школѣ земскихъ стражниковъ.

О перемѣнахъ по службѣ.

Назначенъ: окончившій курсъ Яблочинской причетнической школы *Стефанъ Трофимовъ* — исправляющимъ должность младшаго псаломщика Яновской церкви, Сѣдлецкой губерніи съ 15 мая.

Перемѣщенъ: младшій псаломщикъ Яновской церкви, Сѣдлецкой губерніи, *Іоаннъ Бойко* — къ Челомынской церкви, Сѣдлецкаго уѣзда, съ 15 мая.

Утверждены: въ должности церковнаго старосты—къ Пищацкой церкви, Бѣльскаго уѣзда, мѣщанинъ Максимъ *Петровичъ* на второе трехлѣтіе; къ Кричевской церкви, Константиновскаго уѣзда, крестьянинъ Василій *Полищукъ*.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества вспомошествованія нуждающимся учащимся въ Холмскомъ духовномъ училищѣ за шестнадцатый (1912) годъ существованія Общества.

(Окончаніе).

Въ Общее Собраніе членовъ Общества вспомошествованія нуждающимся учащимся въ Холмскомъ духовномъ училищѣ

Членовъ Ревизіонной Комиссіи

ДОКЛАДЪ.

Имѣемъ честь доложить Общему Собранію, что при провѣркѣ принадлежащихъ Обществу суммъ, книгъ, документовъ, а равно и отчета за истекшій 1912 годъ, оказалось, что записи прихода и расхода совершенно согласны съ оправдательными документами; расходы производились на основаніи журнальных постановленій, итоги и переносы суммъ выведены правильно, отчетъ совершенно согласенъ съ записями прихода-расходной книги; суммы 257 р. 76 коп. наличными и 5000 р. билетами, показанныя остаткомъ къ 1913 году, находятся въ цѣлости и хранятся въ Государственномъ кредитномъ учрежденіи.

Члены Ревизіонной
Комиссіи.

Протоіерей *Николай Ганкевичъ*.

Протодіаконъ *Н. Оедоровъ*.

Н. Котлинскій.

1913 года, 13 февраля.

ИМЕННОЙ СПИСОКЪ

членовъ Общества вспомошествованія нуждающимся учащимся въ Холмскомъ духовномъ училищѣ за шестнадцатый (1912) годъ существованія Общества.

1. ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

1. Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій. 100 р. — к.

2. Высокопреосвященнѣйшій Тихонъ, Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій 25 р. — к.

3. Высокопреосвященнѣйшій Евлогій, Архієпископъ Холмскій и Люблинскій 25 р. — к.
4. Высокопреосвященнѣйшій Серафимъ, Архієпископъ Иркутскій.
5. Преосвященнѣйшій Владиміръ, Настоятель Спасо-Андроніева монастыря.
6. Преосвященнѣйшій Владиміръ, Епископъ Бѣлостокскій.
7. В. К. Саблеръ, Оберъ-Прокуроръ Св. Синода.
8. Протоіерей С. П. Косминковъ.

II. ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

А. По единовременному взносу:

9. Протоіерей Богословской церкви г. Холма о. Леонтій Янковскій.
10. Архимандритъ Неофитъ, членъ Учебн. Комитета при Св. Синодѣ.
11. Михаилъ Иван. Булгаковъ, препод. Холмской дух. семинаріи.
12. Священникъ В. О. Ляхоцкій, законоучитель Кѣлецкой мужской гимназіи.

Б. По годичному взносу.

13. Биликъ, І. Г., столоначальникъ Консисторіи 3 р.
14. Васильковичъ А. Н. учит. пригот. класса Холмскаго духовн. училища 3 р.
15. Вяхиревъ Н. Н., преподаватель Холмскаго духовн. училища 3 р.
16. Ганкевичъ Н., протоіерей, ключарь кафедральн. собора 3 р.
17. Гобчанскій В., протоіерей, Епархіальный наблюдатель 3 р.
18. Громадскій Ал., свящ., законоучитель мужской гимназіи 3 р.
19. Жуковъ А. В., преподав. Холмскаго духовнаго училища 3 р.
20. Захарчукъ І., свящ. Епархіальный миссіонеръ 3 р.
21. Калихевичъ Е. І. 3 р.
22. Калихевичъ Н. С. 3 р.
23. Котлинскій Н. А., архиваріусъ Консисторіи 3 р.
24. Лазаревъ С. Е. 3 р.
25. Могильницкій А., священникъ 3 р.
26. Никольскій І., священникъ 3 р.

27. Онуфрієвъ Н. Х., казначей Консисторіи	3 р.
28. Орловъ Н., протоіерей, законоуч. Маріинскаго училища	3 р.
29. Осиповъ	3 р.
30. Плєскацевичъ Н. О., судебный слѣдователь	6 р.
31. Приходько, діаконь кафедральнаго собора	3 р.
32. Рѣчкинъ І., свящ., Смотритель Холмск. духовн. училища	3 р.
33. Сагайдаковскій Н., священникъ	3 р.
34. Серафимъ, Архимандритъ, настоятель Яблоч. монастыря	5 р.
35. Сергій, іеромонахъ, намѣстникъ монастыря	3 р.
36. Сокольниковъ Аѳ. П., помощникъ акцизнаго надзирателя	3 р.
37. Суворовъ Ал., священ. кафедральнаго собора	3 р.
38. Шіяновъ Е. В., преподаватель Холм. духовнаго училища	3 р.
39. Удиловичъ А. И., столоначальникъ Консисторіи	3 р.
40. Оедоровъ Н. протодіаконь	3 р.

П Р О Т О К О Л Ъ

семнадцатаго гѣдичнаго Общаго Собранія членовъ Общества вспомошествованія нуждающимся учащимся въ Холмскомъ духовномъ училищѣ.

I. На семнадцатое гѣдичное собраніе, созванное Правленіемъ Общества на 24 февраля 1913 года въ актовомъ залѣ училища прибыло 13 человекъ. Такъ какъ всѣхъ проживающихъ въ городѣ Холмѣ членовъ по списку Общества числится 23 человека, то настоящее собраніе, какъ заключающее въ себѣ не менѣе $\frac{1}{4}$ членовъ Общества, живущихъ въ г. Холмѣ, считается, на основаніи § 30 устава Общества, законно состоявшимся.

Предсѣдателемъ Общаго Собранія былъ избранъ Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Евлогіи, Архіепископъ Холмскій и Люблинскій.

II. Заслушавъ отчетъ Правленія о состояніи и дѣятельности Общества за шестнадцатый (1912) годъ, отчетъ г. Казначая о движеніи суммъ и докладъ Ревизіонной Комиссіи, разсмотрѣвшей этотъ отчетъ и провѣрившей суммы; книги и документы Общества, Общее собраніе постановило: 1) согласно съ заключеніемъ Ревизіонной Комиссіи, отчетъ о дѣятельности одобрить, а отчетъ о движеніи суммъ утвердить и 2) предоставить Правленію производить расходы въ 1913 году по выдачѣ пособій

нуждающимся воспитанникамъ въ тѣхъ границахъ, какія опредѣляются остаткомъ въ расходномъ капиталѣ отъ прошлаго года и поступленіями въ этотъ капиталъ въ теченіе 1913 года.

III. Согласно требованію § 10 устава, Собраніе постановило: съ годичныхъ членскихъ взносовъ и другихъ поступленій отчислять въ неприкосновенный капиталъ Общества 10⁰/₀.

IV. По представленію Правленія, Собраніе ассигновало 15 руб. на отпечатаніе отчета и другіе канцелярскіе расходы по Обществу въ наступившемъ году.

V. Согласно §§ 14, 15 и 32 устава, Общее Собраніе производило выборъ двухъ членовъ Правленія, трехъ членовъ Ревизіонной Комиссіи и трехъ кандидатовъ къ членамъ Правленія. На мѣсто выбывшихъ, за выслугою лѣтъ, двухъ членовъ Правленія—протоіерея о. Н. Орлова и М. И. Булгакова, оказались выбранными тѣ же лица. Въ составъ Ревизіонной Комиссіи вошли: о. протоіерей Николай Ганкевичъ, протоіако́нъ о. Н. Ѳедоровъ и Н. А. Котлинскій. Кандидатами къ членамъ Правленія единогласно избраны: о. протоіерей Л. Янковскій, священ. Ал. Громадскій и Адр. Ив. Удиловичъ.

VI. По предложенію Предсѣдателя, Общее Собраніе выразило благодарность членамъ Правленія и Ревизіонной Комиссіи за ихъ труды по Обществу въ истекшемъ году.

Предсѣдатель Общаго Собранія *Архіепископъ Евлоій.*

Члены Общества:	Протоіерей <i>Николай Ганкевичъ.</i>
	Протоіерей <i>Николай Орловъ.</i>
	<i>Андрей Жуковъ.</i>
	Протоіако́нъ <i>Н. Ѳедоровъ.</i>
	Священникъ <i>І. Рѣчкинъ.</i>
	Священ. <i>Александръ Громадскій.</i>
	<i>Михаилъ Булаковъ.</i>
	<i>Адріанъ Удиловичъ.</i>
	<i>Е. Шіяновъ.</i>
	<i>Антонъ Васильковичъ.</i>

Отъ Холмскаго Епархіальнаго Наблюдателя церковныхъ школъ.

Къ о. о. Завѣдующимъ и учащимъ въ начальныхъ церковныхъ школахъ—просьба послѣпить представленіемъ отчетовъ по учебн. и воспитательной части школъ за истекающій годъ о. о. окружнымъ наблюдателямъ къ 5-му іюня сего года.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О МОТИВАХЪ НАШИХЪ ДѢЙСТВІЙ.

«Прииде Іисусъ и ста посредѣ и глагола имъ: *миръ вамъ...* рече имъ Іисусъ паки: *миръ вамъ*» (Іоан. XX, 19-21).

Всѣ свои разнообразныя и многочисленныя дѣйствія мы совершаемъ непременно по тому или иному побужденію или, что тоже, *мотиву* (отъ латинскаго слова *moveo* — двигаю), такъ что безъ мотива ни одного человѣческаго дѣйствія быть не можетъ. Свобода воли нашей выражается при этомъ только въ *выборѣ* мотивовъ.

Неразумное животное всегда побуждается къ дѣйствіямъ болѣе сильнымъ прирожденнымъ ему мотивомъ, поэтому оно невольно влечется къ тому или иному дѣйствію. Человѣкъ же, одаренный разумомъ и, отсюда, свободою, можетъ при этомъ, оцѣнивать мотивы по ихъ высотѣ и достоинству, не всегда подчиняясь болѣе сильному изъ нихъ, но избирая для своихъ дѣйствій мотивы болѣе высокіе, болѣе цѣнные. Но и въ семъ случаѣ воля наша поступаетъ тоже по какому либо мотиву, только свободно ею самою избранному. Слѣдовательно, всѣ наши дѣйствія, безъ всякаго исключенія, вызываются тѣми или иными мотивами. Отсюда ясно, что какъ многочисленны и разнообразны наши дѣйствія, такъ многочисленны и разнообразны существующіе въ нашей душѣ мотивы. И чѣмъ человѣкъ культурнѣе, чѣмъ шире и разнообразнѣе кругъ его дѣйствій, тѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе у него и мотивы. При этомъ почти постоянно предъ началомъ того или иного дѣйствія въ насъ возникаетъ *борьба* различныхъ мотивовъ, часто продолжается она довольно значительное время, повергая волю нашу въ мучительное состояніе нерѣшительности, колебаній и сомнѣній. Мучительно для души нашей это ея состояніе, ибо въ ней нарушается миръ, возникаетъ вражда. Когда нарушается внѣшній миръ, миръ съ другими людьми, и тогда намъ бываетъ тяжело. Но тогда мы, по крайней мѣрѣ, можемъ удалиться отъ своихъ враговъ. Когда же нѣтъ мира въ насъ самихъ, въ нашей собственной душѣ, то куда мы можемъ уйти отъ самихъ себя? При томъ, не утихаетъ иногда эта борьба и во время самаго со-

вершенія дѣйствія, т. е. человѣкъ, и дѣйствуя такъ или иначе, все еще продолжаетъ колебаться и сомнѣваться въ своемъ первоначальномъ рѣшеніи. Мало этого. Иногда мы и, оканчивая то или иное дѣйствіе сожалѣемъ, зачѣмъ мы рѣшились и поступили такъ, а не иначе, почему мы послѣдовали этому своему мотиву, а не иному, тоже сознаваемому нами. Животное, которое невольно влечется къ дѣйствію сильнѣйшимъ изъ существующихъ въ природѣ его мотивовъ, не чувствуетъ этой мучительной борьбы. Не испытываемъ ея и мы въ своемъ младенческомъ возрастѣ, когда въ нашемъ сознаніи сильнѣйшій мотивъ беретъ перевѣсъ надъ слабѣйшимъ помимо участія нашего разума, когда мы не способны еще бываемъ своимъ разумомъ оцѣнить мотивы свои по ихъ достоинству. Но съ пробужденіемъ и развитіемъ сознательной жизни въ дѣтской душѣ, мы видимъ, что дитя прежде чѣмъ совершить то или иное дѣйствіе, начинаетъ уже понемногу задумываться надъ нимъ. Видимо, что въ душѣ дитяти началась уже борьба мотивовъ. Вначалѣ, конечно, борьба эта бываетъ весьма слабой, почти незамѣтной. Но съ теченіемъ времени, чѣмъ болѣе растетъ въ человѣкѣ сознаніе, чѣмъ болѣе развивается его разумъ, тѣмъ все болѣе и болѣе усиливается въ душѣ его борьба мотивовъ, тѣмъ все мучительнѣе и мучительнѣе сознаетъ онъ въ себѣ эту борьбу¹⁾. И чѣмъ человѣкъ умственнo развитѣе, тѣмъ ожесточеннѣе въ душѣ его происходитъ борьба. Поэтому Премудрый царь Соломонъ и говоритъ: „Приложивый разумъ, приложитъ болѣзнь“ (Екклес. I, 18).

Кромѣ того борьба мотивовъ и ослабляетъ общій успѣхъ нашей дѣятельности. Если мы не рѣшаемся приступить къ тому или иному дѣлу, колеблемся часто и приступивъ къ нему, сожалѣемъ, иногда даже и оканчивая его, то конечно воля наша не можетъ при этомъ энергично дѣйствовать.

Какъ же освободиться намъ отъ мучительной для насъ и ослабляющей общій успѣхъ нашей дѣятельности борьбы мотивовъ? Какъ водворить миръ въ душѣ?

Нѣкоторые изъ мыслителей (Жанъ-Жакъ Руссо, Л. Н. Толстой и др.) говорятъ, что нужно намъ опроститься, сдѣлаться по словамъ Спасителя нашего дѣтьми, не слѣдуетъ развивать своего ума, жить слѣдуетъ не умомъ, а чувствомъ. Но возможно-ли для разумнаго существа препятствовать удовлетворенію коренной

¹⁾ Отсюда-то мы такъ часто съ сожалѣніемъ вспоминаемъ о своемъ золотомъ невозвратномъ дѣтствѣ.

потребности своей природы—развитію своего ума? И не значитъ-ли это челоѣку, какъ челоѣку, отказаться отъ самого себя? Поэтому возможно-ли обрѣтеніе душевнаго мира, возможно-ли прекращеніе борьбы мотивовъ, когда самое стремленіе ума къ истинѣ, когда культура ума или его совершенствованіе составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ мотивовъ нашей дѣятельности? Нѣтъ, если возгорѣлся въ насъ священный огонь сознательной жизни, огонь, прирожденный намъ, то затушить его, или ослабить его силу мы не въ состояніи. Притомъ неправильно понимаются означенными мыслителями и слова нашего Спасителя. Вѣдь если Спаситель нашъ и говорилъ намъ, чтобы мы уподобились дѣтямъ, для обрѣтенія Царства Божія (а Царство это, какъ извѣстно, прежде всего *внутрь насъ есть* и заключается въ мирѣ душевномъ), то уподобились по чистотѣ своего сердца, его незлобію, а не по развитію ума. Умъ, напротивъ, по слову Спасителя, мы должны развивать, проникая имъ въ идею истины, дабы получить свободу отъ страстей. „Уразумѣете истину“, говоритъ Онъ, „и истина свободитъ вы“ (Іоан. VIII, 32). А св. ап. Павелъ прямо заповѣдуетъ: „злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте“. Для того, чтобы водворить въ душѣ миръ, чтобы освободиться отъ борьбы мотивовъ, необходимо прежде всего сознать *основные мотивы* нашихъ дѣйствій, т. е. тѣ мотивы, которые вытекаютъ изъ коренныхъ потребностей нашей природы и, потому, присущи всѣмъ людямъ, и изъ которыхъ всѣ прочіе мотивы производятся или, лучше сказать, „наживаются“ въ той или иной средѣ, при томъ или иномъ воспитаніи. Но этого мало. Такъ какъ и основные мотивы могутъ враждовать въ нашей душѣ, то для водворенія въ ней мира необходимо уяснить себѣ *такой мотивъ дѣйствій, къ которому могли бы быть сведены и всѣ основные мотивы*.

Челоѣкъ, какъ и всякое ограниченное существо, имѣетъ природное стремленіе къ сохраненію, развитію и совершенствованію самого себя, чрезъ удовлетвореніе различныхъ потребностей своей природы. Все то, что такъ или иначе, по нашему *разумнѣю*, удовлетворяетъ наши потребности, составляетъ для насъ *благо*, а достиженіе сего блага или, лучше сказать, то удовольствіе или радостное состояніе нашего *сердца*, которое мы при семъ испытываемъ, составляетъ наше *счастье*. Отсюда всѣ наши дѣйствія обнимаются стремленіемъ нашимъ къ благу и счастью. Смотри потому, что мы ставимъ главною цѣлью нашихъ стремленій—благо или счастье, образуются въ насъ два основ-

ныхъ мотива всѣхъ нашихъ дѣйствій — *нравственный долгъ и самолюбіе*. Первый мотивъ образуется, когда мы подчиняемся велѣніямъ своего разума ¹⁾, второй — когда подчиняемся велѣніямъ сердца. Разсмотримъ подробнѣе происхожденіе въ насъ основныхъ мотивовъ.

Чтобы уяснить происхожденіе перваго мотива — *нравственнаго долга*, нужно разсмотрѣть, что именно составляетъ благо для человѣка или, иными словами, къ чему именно онъ имѣетъ стремленіе для удовлетворенія потребностей своей природы. Какъ состоящій изъ души и тѣла, человѣкъ имѣетъ потребность сохранять, развивать и совершенствовать обѣ половины своей духовно-чувственной природы. Отсюда, для сохраненія, развитія и совершенствованія своего тѣла человѣкъ стремится питать его, защищать отъ зноя и холода, приводить его въ то или иное движеніе, давать ему отдохновеніе и пр. Поэтому благо для человѣка составляютъ: и пища, и одежда, и жилище, и физическій трудъ, и сонъ и т. под., вообще все, что такъ или иначе способствуетъ сохраненію, развитію и совершенствованію его тѣлесной природы. Душа человѣка имѣетъ потребность стремиться къ истинѣ, красотѣ и добру. Поэтому онъ (человѣкъ) сохраняетъ, развиваетъ и совершенствуетъ въ себѣ: умъ, стремящійся къ истинѣ, чувство, стремящееся къ красотѣ, и свободную волю, стремящуюся къ добру. Но такъ какъ истина, красота и добро въ той или иной мѣрѣ находятся и въ другихъ существахъ, подобно ему, ограниченныхъ (людяхъ, ангелахъ), то онъ стремится къ общенію съ ними. Наконецъ, разуму человѣка врождена идея такого всесовершеннаго Существа, въ которомъ истина, красота и добро имѣются во всей полнотѣ, въ безконечной степени. Посему онъ въ самой высшей степени стремится къ общенію съ этимъ Существомъ. Такимъ образомъ благо для человѣка составляютъ и самъ онъ, и другія существа конечныя, но высшее или, лучше сказать, высочайшее благо его находится въ Существовѣ Безконечномъ, потому что въ Немъ обитаетъ полнота истины, красоты и добра, къ которымъ стремится душа человѣка. Отсюда понятно, что, съ одной стороны, сознавая въ себѣ способность (въ умѣ, чувствѣ и свободной волѣ) къ совершенству, а съ другой, — имѣя идею совершенства въ представ-

¹⁾ *Разумъ*, высшую нашу умственную способность — зрительную, способность созерцанія идей, нужно необходимо отличать отъ *разсудка*, низшей умственной способности — мыслительной, перерабатывающей готовый уже матеріалъ.

леніи безконечнаго Существа, человѣкъ и самъ стремится къ подобному совершенству: создаетъ идеалъ для себя, къ достиженію котораго и стремится въ своихъ дѣйствіяхъ. При семъ человѣкъ, оцѣнивая своимъ разумомъ достоинство различныхъ предметовъ блага, упорядочиваетъ свои разнообразныя стремленія къ нимъ съ точки зрѣнія созданнаго имъ идеала: къ различнымъ предметамъ блага стремится постольку, поскольку они способствуютъ ему въ достиженіи высочайшаго Блага. Такимъ образомъ руководителемъ нашимъ на этомъ пути къ совершенству является нашъ разумъ, оцѣнивающий достоинство различныхъ предметовъ блага и затѣмъ, чрезъ голосъ совѣсти указывающій намъ, что мы *должны* дѣлать, какому изъ своихъ стремленій мы должны *предпочтительно* слѣдовать, чтобы неуклонно идти по пути къ совершенству. Эти указанія совѣсти, сознаваемые нами, какъ нѣчто *обязательное* для насъ, *должное*, и называются *нравственнымъ долгомъ*¹⁾.

Если мы исполняемъ долгъ, т. е. слѣдуя указаніямъ совѣсти, стремимся къ различнымъ предметамъ блага по ихъ сравнительному достоинству, какъ оцѣниваетъ ихъ нашъ разумъ, то мы испытываемъ чувство удовольствія, и, наоборотъ, если не слѣдуемъ голосу совѣсти, то испытываемъ недовольство, горькое чувство раскаянія. Отсюда мы сознаемъ, что чрезъ исполненіе долга мы достигаемъ счастья. Но достиженіе счастья должно входить здѣсь въ наше сознаніе *не какъ цѣль нашихъ дѣйствій*, а какъ награда за нихъ, награда за слѣдованіе голосу совѣсти, за исполненіе долга. Напр., совѣсть требуетъ отъ насъ подавать милостыню бѣднымъ. Если мы подаемъ оную потому *только*, что намъ самимъ непріятно не подавать ея, и, подавая, мы *главную свою цѣль имѣемъ самихъ себя освободить отъ непріятнаго чувства*, то мы поступаемъ уже не по мотиву нравств. долга, а по другому основному мотиву, *мотиву самолюбія*. Въ этомъ случаѣ руководителемъ нашимъ является не разумъ нашъ, оцѣнивающий предметы по достоинству, а наше сердце, которое стремится только доставить себѣ

¹⁾ Такъ какъ совѣсть отъ насъ требуетъ того, что приближаетъ насъ къ совершенствамъ *Существа* безконечнаго, то авторитетъ совѣсти въ насъ обычно отождествляется при этомъ съ авторитетомъ Божественнымъ, почему и сложилось общее убѣжденіе, что «голосъ совѣсти есть голосъ Божій». Но это опредѣленіе совѣсти—метафорическое. Болѣе же или менѣе точное опредѣленіе ея можетъ быть дано такое. Совѣсть, какъ показываетъ самое названіе ея, есть *сознаніе* соответствія или несоответствія нашихъ стремленій и дѣйствій сравнительному достоинству различныхъ предметовъ блага, по оцѣнкѣ нашего разума.

удовольствіе и избѣжать страданія, которое только ищетъ *счастья* себѣ. Въ этомъ случаѣ мы можемъ подать милостыню человеку совѣмъ недостойному оной, наприм., завѣдомому пьяницѣ. И хотя мы знаемъ, что наша милостыня пойдетъ во вредъ ему, но, желая самихъ себя избавить отъ непріятнаго чувства, подаемъ оную. Когда человекъ подчиняется велѣніямъ своего сердца, то онъ *свое* счастье ставитъ цѣлю и средоточіемъ всѣхъ своихъ дѣйствій и, смотря по тому, въ чемъ сердце его находитъ болѣе удовольствія, къ тому онъ и стремится. Поэтому иной ищетъ болѣе или менѣе грубаго удовольствія, а иной болѣе или менѣе тонкаго; иной кратковременнаго и сильнаго, а иной продолжительнаго и слабаго; иной настоящаго, а иной отдаленнаго будущаго. Человекъ съ болѣе или менѣе развитымъ сознаниемъ, при помощи разсудка¹⁾, стремится *увеличить удовольствіе* или выбрать удовольствіе *предпочтительное*: соображая, что иногда малое удовольствіе послѣ причиняетъ ему большое страданіе и, наоборотъ, малое страданіе доставляетъ послѣ большое удовольствіе, такой человекъ выбираетъ то дѣйствіе, которое можетъ *болѣе* принести ему удовольствія, т. е. дѣйствіе наиболѣе выгодное или, что тоже *полезное* для себя. Такимъ образомъ, смотря по тому, чѣмъ человекъ болѣе „живетъ“, т. е. побуждается къ дѣйствіямъ—чувствомъ или разсудкомъ,—онъ въ своихъ стремленіяхъ къ достиженію счастья находитъ послѣднее или въ *удовольствіи* или въ *пользѣ*. Въ удовольствіи, напр., находятъ свое счастье дѣти, дикари (которыхъ тоже можно назвать взрослыми дѣтьми), большинство женщинъ, чѣмъ и объясняется привязанность дѣтей — къ игрушкамъ, дикарей — къ бездѣлушкамъ, женщинъ — къ нарядамъ. Впрочемъ и между мужчинами, и притомъ, образованными нерѣдко встрѣчаются люди, живущіе чувствомъ, которые въ своихъ стремленіяхъ къ счастью руководятся тѣмъ только, что пріятно для нихъ и что непріятно, а не тѣмъ, что полезно и что вредно. Такіе люди и въ религіи ищутъ себѣ удовольствія, чѣмъ объясняется существованіе многихъ мистическихъ сектъ. Люди разсудка находятъ свое счастье въ стремленіи къ пользѣ: они часто отказываютъ себѣ въ томъ или иномъ удовольствіи для того, чтобы достигнуть большаго удовольствія или избѣжать страданія. Разсудительный человекъ, напр., вспотѣвши, не будетъ стоять на холодномъ вѣтрѣ, соображая, что хотя это и можетъ доставить ему на короткое настоя-

¹⁾ Разсудокъ здѣсь является слугою сердца нашего, ищущаго большаго счастья.

щее время пріятное чувство, но послѣ это кратковременное удовольствіе можетъ причинить ему большое страданіе—продолжительную болѣзнь. Такой человѣкъ можетъ подавить въ себѣ чувство гнѣва, если онъ сознаетъ, что не полезно и даже вредно для него гнѣваться. Онъ можетъ подвергать себя многимъ лишеніямъ, дабы собрать себѣ болѣе богатства, можетъ усердно изучать науки, сознавая, что хотя „корень ученія горекъ, но плоды его сладки“, можетъ быть религіознымъ, прилежнымъ къ молитвѣ, хотя молитва его болѣе характера просительнаго. Но какъ бы мы ни различали стремленія однихъ людей къ удовольствію, а другихъ къ пользѣ, однако общее между ними остается то, что тѣ и другіе стремятся къ достиженію *своего* счастья, тѣ и другіе, подчиняясь велѣніямъ своего сердца, ищущаго счастья, руководятся однимъ и тѣмъ же основнымъ мотивомъ *самолюбія*.

Такъ образуются въ насъ изъ прирожденнаго намъ стремленія къ благу и счастью два основныхъ мотива всѣхъ нашихъ дѣйствій—*нравственный долгъ и самолюбіе*: нравственный долгъ изъ стремленія нашего къ благу, самолюбіе изъ стремленія—къ счастью. Но почему же спрашивается возникаетъ въ нашей душѣ борьба между этими мотивами, если счастье, какъ мы видѣли, есть естественное слѣдствіе достиженія блага? Повидимому, между ними не должно бы быть никакой борьбы. Дѣйствительно, и не было бы ея, если бы градація степеней блага, оцѣниваемаго нашимъ разумомъ, соотвѣтствовала бы градація и степеней счастья, испытываемаго при этомъ нашимъ сердцемъ. Но этого соотвѣтствія, къ величайшему нашему сожалѣнію, въ дѣйствительности нѣтъ. Напротивъ, часто разумъ оцѣниваетъ тотъ или иной предметъ блага, какъ высшій, какъ особенно достойный стремленій, нашей воли, о чемъ и открываетъ намъ чрезъ голосъ совѣсти, но сердце не находитъ въ немъ счастья большаго, чѣмъ въ какомъ либо другомъ предметѣ, менѣе достойномъ нашихъ стремленій по оцѣнкѣ разума, свидѣтельствуемой совѣстью¹⁾. Эта раздвоенность, это страшное разстройство въ нашей душѣ—общеизвѣстный фактъ, сознаваемый и языческими мыслителями²⁾.

¹⁾ Посему-то Господь нашъ и говоритъ, что къ добру ведутъ насъ врата узкія и путь тѣсный (Мѡ. VII, 14), т. е. тяжело бываетъ часто для нашего сердца стремиться къ высшимъ предметамъ блага. (Въ предпочтительномъ стремленіи къ высшимъ предметамъ блага и состоитъ добро). А св. ап. Павелъ стремленіе къ добру сравниваетъ съ распятіемъ на крестѣ. (Гал. V, 24).

²⁾ Впрочемъ язычники, хотя и сознавали этотъ фактъ, но удовлетворительно объяснить его не могли. Наша Св. Церковь, какъ извѣстно, вполне удовлетворительно объясняетъ его грѣхопаденіемъ прародителей и переходомъ грѣха на весь родъ человѣческій.

Отсюда возникает страшная, мучительная борьба мотивов—самолюбія съ нравствен. долгомъ: съ одной стороны мы сознаемъ истину велѣній нашего разума, возвышаемыхъ чрезъ голосъ совѣсти, ихъ обязательность для насъ, а съ другой—чувствуемъ, что трудно для нашего сердца отвергнуться отъ любви къ себѣ самому—исключительной или предпочтительной, тяжело отказаться отъ своего личнаго счастья. Воля наша при этомъ, колеблется, не рѣшаясь склониться ни на сторону разума, ни на сторону сердца. Прекрасное, высоко художественное изображеніе этой борьбы даетъ намъ св. ап. Павелъ въ VII гл. посланія своего къ Римл. 14—24 ст.

Человѣкъ, сознающій себя въ единствѣ своего самосознанія, чувствуетъ это, тяжелое для него, внутреннее раздвоеніе, причемъ замѣчаетъ и ослабленіе общаго успѣха своей дѣятельности, чрезъ тоже раздвоеніе, а потому дѣлаетъ всевозможныя попытки освободиться отъ борьбы мотивовъ, свести ихъ къ одному какому-либо. Одни, при этомъ, стараются свести къ мотиву самолюбія, т. е. подчинить свою волю велѣніямъ сердца, а другіе, напротивъ, къ мотиву долга, т. е. подчинить волю велѣніямъ разума. Разсмотримъ, чи же попытки могутъ увѣнчаться успѣхомъ¹⁾.

Мотивъ нравственнаго долга, согласно самому понятію о немъ, свести къ мотиву самолюбія невозможно. Сознаніе долга, побуждающее человѣка безусловно стремиться къ совершенству, къ предпочтительному удовлетворенію высшихъ стремленій его природы, при свѣтѣ указаній разума, свидѣтельствуемыхъ совѣстью, независимо отъ того, сопровождается ли это стремленіе и чувствомъ высшаго блаженства или нѣтъ, это сознаніе необходимо вступитъ въ борьбу съ самолюбіемъ. Дѣло въ томъ, что человѣку, какъ мы видѣли, прирождено стремленіе къ истинѣ, красотѣ и добру. Какъ имѣющія характеръ безусловный по самому существу своему, идеи истины, красоты и добра сами въ себѣ заключаютъ цѣль и, поэтому, ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть средствами для чего-либо другого, въ частности,

¹⁾ Нѣкоторые изъ мыслителей въ системахъ своихъ ученій проводятъ тотъ взглядъ, что каждый человѣкъ, по самой природѣ своей души, стремясь къ самосохраненію, саморазвитію и самосовершенствованію, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ непремѣнно руководится мотивомъ самолюбія. (Таковы, напр., въ древности—Эпикуръ, Лукрецій, въ новое время—Бэнтъ, Спенсеръ, Милль, Нитцше и др., вообще же, всѣ, такъ называемые, эвдемонисты и утилитаристы).

и для удовлетворенія самолюбія. Разлитыя въ другихъ существахъ личныхъ, какъ ихъ природныя свойства, онѣ побуждаютъ человѣка выйти изъ тѣснаго круга самолюбія, полюбить и тѣ существа постольку, поскольку въ нихъ находятся истина, добро и красота, или могутъ находиться (въ людяхъ, стоящихъ на низкой ступени нравственности). Разумъ нашъ, созерцающій идеи истины добра и красоты, непременно будетъ требовать, чрезъ голосъ совѣсти, отъ нашего сердца исключительную или предпочтительную любовь къ себѣ самому переносить и на другія существа конечныя и, особенно, на Существо безконечное. Нравственный долгъ, такимъ образомъ, побуждаетъ насъ полюбить *всѣмъ сердцемъ* Существо безконечное, ибо въ Немъ истина, красота и добро находятся во всей полнотѣ, полюбить за тѣ же качества и существа конечныя (ангеловъ, людей) и только въ числѣ послѣднихъ-то любить за тоже и самого себя¹⁾. Примѣровъ всецѣлой, *всѣмъ сердцемъ*, любви къ Существу безконечному мы знаемъ множество. Ветхозавѣтные пророки, апостолы Христовы, безчисленный сонмъ христіанскихъ мучениковъ за такую любовь свою шли на страшныя мученія и смерть. Св. ап. Павелъ свидѣтельствуетъ, что ничто его не можетъ „разлучить отъ любви Божіей“ (Рим. VIII, 35—39). Св. Димитрій Ростовскій въ своихъ твореніяхъ высказываетъ желаніе быть и въ аду, лишь бы не разлучаться ему съ Господомъ. Въ языческихъ религіяхъ—браманистъ стремится слиться съ Брамой, буддистъ—погрузиться въ какую-то нирвану. Хотя тотъ и другой заблуждаются въ своихъ представленіяхъ о Божествѣ, но все-же оба они отказываются отъ своего личнаго бытія, стремясь къ Безконечному. А сколько мы знаемъ примѣровъ самоотверженной, безкорыстной любви къ людямъ, такихъ примѣровъ, въ которыхъ нѣтъ и тѣни самолюбія, въ которыхъ исполненіе долга проявляется во всей, возможной для человѣка, полнотѣ. Исторія указываетъ ихъ намъ во множествѣ и среди даже язычниковъ, гдѣ часто другъ жертвуетъ своею жизнью для спасенія друга, гражданинъ для спасенія согражданъ (Ликургъ, Леонидъ, Горацій Коклесъ, Сократъ и многіе другіе). И притомъ, это самопожерт-

¹⁾ Нравств. долгъ обязываетъ насъ не имѣть любви къ такимъ только существамъ, въ которыхъ, по нашему разумѣнію, указанныхъ качествъ, т. е. истины, красоты и добра, нѣтъ, да и быть не можетъ (злыхъ духовъ), человѣка же всякаго обязываетъ насъ любить, ибо въ немъ разумъ нашъ всегда созерцаетъ эти качества, хотя бы и въ самой малой степени, и притомъ созерцаетъ возможность развитія ихъ, пока человѣкъ живетъ на землѣ.

твое было среди таких народов, которые не вѣровали въ будущее загробное мздовоздаяніе. Еще болѣе подобныхъ примѣровъ указываетъ намъ священная исторія ветхаго и новаго завѣта. Можетъ быть кто-либо возразить, что какъ въ ветхомъ, такъ и въ новомъ завѣтахъ существовала и существуетъ вѣра въ будущее мздовоздаяніе? Но чѣмъ можетъ кто-либо объяснить эти примѣры великой любви къ ближнимъ? Святые пророкъ Божій Моисей и апостолъ Павелъ, побуждаемые любовью къ своимъ единоплеменникамъ, высказываютъ готовность сами лишиться вѣчнаго блаженства, лишь бы доставить своему народу Божию милость, Божіе благоволеніе (Исх. XXXII, 32, Рим. IX, 3). Или вотъ примѣръ искренней дружбы, показывающій, что человекъ друга своего можетъ любить такъ же, какъ и себя самого, свою душу. „Душа Іонафана“, говоритъ Писатель книги Царствъ, „прильпнлась къ душѣ Давида, и полюбилъ его Іонафанъ, какъ свою душу“. „И снова Іонафанъ клялся Давиду своею любовью къ нему, ибо любилъ его, какъ свою душу“ (1 Царствъ XVIII, 1;—XX, 17). Итакъ, *нравственный долгъ нельзя свести къ самолюбію*: онъ побуждаетъ человека любить блага высшія въ нравственномъ *міропорядкѣ*, а не привязываться сердцемъ своимъ только къ самому себѣ. И это требованіе долга нисколько не противорѣчитъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые мыслители, основному стремленію человѣческой души къ самосохраненію, саморазвитію и самосовершенствованію, ибо человекъ здѣсь *не теряетъ* самого себя, но только *забываетъ* о себѣ на пути къ самосовершенствованію. Нравств. долгъ, какъ мы видѣли, не исключаетъ совсѣмъ любви человека къ самому себѣ, но побуждаетъ его, при стремленіяхъ къ благамъ высшимъ, по оцѣнкѣ разума, забывать о низшихъ: забывать самого себя въ любви къ другимъ существамъ конечнымъ, забывать и себя и другія конечныя существа въ любви къ Существу всесовершенному, безконечному. Поэтому и выходитъ у человека, стремящагося свести всѣ свои дѣйствія къ мотиву самолюбія, то, что борьба въ немъ мотивовъ не только не прекращается, но, напротивъ, усиливается, раздвоеніе въ душѣ его станвится еще рѣзче и тяжелѣе для него; какъ онъ, *несчастный*, ни старается заглушить въ себѣ, часто при помощи разныхъ доводовъ разсудка¹⁾, голосъ совѣсти, воз-

¹⁾ Разсудокъ здѣсь находится въ услуженіи не разума, а сердца, почему доводы его (разсужденія) не бываютъ истинными. «Не уклони *сердца* моего», взываемъ мы поэтому къ Господу Богу, «въ слова *лукавствія*, *непщевати* вины о грѣсѣхъ».

вѣшающій ему вѣдѣнія долга. Да это и естественно: люди, которые упорно, сознательно, въ своихъ стремленіяхъ къ достиженію своего личнаго счастья, стараются свести всѣ свои дѣйствія къ мотиву самолюбія, не могутъ, какъ мы видѣли, удовлетворять высшимъ потребностямъ своей природы—стремленіямъ къ истинѣ, красотѣ и добру,—не могутъ достигнуть высшаго, полнаго блага, о чемъ и напоминаетъ имъ всегда горькое чувство раскаянія (карающій голосъ совѣсти), а слѣдовательно *не могутъ они имѣть и счастья*¹⁾.

Итакъ всѣ человѣческія попытки свести мотивъ нравств. долга къ мотиву самолюбія не могутъ увѣнчаться успѣхомъ. Почему это такъ, понять не трудно. Мотивъ самолюбія, какъ извѣстно, происходитъ изъ прирожденнаго сердцу человѣческому стремленія къ достиженію счастья и, притомъ, счастья наиболѣе полнаго. Въ чемъ сердце наше *испытало* или *испытываетъ* чувство большаго удовольствія, къ тому, естественно, оно и побуждаетъ волю нашу стремиться. Не будучи просвѣщено свѣтомъ разума, оно—*слѣпо*, не знаетъ, въ чемъ заключается его *истинное* счастье, которое, конечно, и является наиболѣе полнымъ. Только разумъ, созерцающій *истину*, можетъ указать нашему сердцу, въ чемъ именно нужно полагать *истинное* счастье, можетъ, по слову св. ап. Павла, просвѣтить „очеса сердца“ нашего (Ефес. I, 18). Вотъ почему стремясь волею своею,—при подчиненіи ея рѣшеній вѣдѣніямъ сердца,—къ счастью, мы не достигаемъ счастья. Только разумъ нашъ, не заинтересованный въ достиженіи счастья, не ослѣпленный стремленіемъ къ нему, только онъ, созерцающій *истину* и возвѣщающій намъ оную, чрезъ голосъ нашей совѣсти, какъ нашъ *нравственный долгъ*, можетъ привести насъ,—при подчиненіи нашей воли его, т. е. разума, вѣдѣніямъ, къ *достиженію истиннаго блага, а чрезъ то, и истиннаго счастья, какъ его необходимаго послѣдствія*. Отсюда ясно, что только попытки объединить мотивы нашихъ дѣйствій въ мотивъ нравственнаго долга, т. е. свести къ нему мотивъ самолюбія, и чрезъ то прекратить столь мучительную для насъ борьбу мотивовъ въ нашей душѣ и водворить въ ней *миръ*,—только эти попытки наши могутъ увѣнчаться успѣхомъ. Разсмотримъ подробнѣе, какъ это можетъ быть.

¹⁾ Наиболѣе яркимъ примѣромъ сего можетъ служить самъ же Нитцше, предъ своею смертію сошедшій съ ума отъ испытываемыхъ имъ страшныхъ мукъ тяжелой внутренней раздвоенности.

Слѣдуя велѣніямъ нравственнаго долга, удовлетворяя кореннымъ потребностямъ своей природы, начиная съ высшихъ и до низшихъ, по оцѣнкѣ нашего разума, отводя любви къ себѣ не исключительное или предпочтительное, а лишь *должное* мѣсто, человѣкъ неуклонно можетъ идти по пути совершенства, гармонично можетъ развивать всѣ свои силы и способности, вполне можетъ удовлетворять кореннымъ стремленіямъ своей природы, а слѣдовательно можетъ достигать, чрезъ то, и полного счастья. Сознавая же свое полное счастье въ слѣдованіи долгу, человѣкъ уже не будетъ опасаться чрезъ *забвеніе* самого себя (въ любви къ другимъ существамъ конечнымъ и Существу безконечному) потерять свое счастье, ибо онъ будетъ сознавать, что чрезъ это-то забвеніе, чрезъ это-то отверженіе отъ исключительной или предпочтительной любви къ себѣ, онъ и достигаетъ *истиннаго* своего счастья. Такъ глубоко психологически вѣрны слова Спасителя нашего: „любяй душу свою, погубить ю: и ненавидяй души своя въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчный сохранить ю“ (Іоан. XII, 25). Вначалѣ трудное отверженіе отъ предпочтительной или исключительной любви къ себѣ (въ Словѣ Божіемъ оно сравнивается съ несеніемъ „креста“, съ „распятіемъ“ на крестѣ—Мрк. VIII, 34; Гал. V, 24) въ дальнѣйшемъ пути къ совершенству, по мотиву долга, все болѣе и болѣе будетъ облегчаться, мотивъ самолюбія болѣе и болѣе будетъ слабѣть въ борьбѣ съ долгомъ, такъ какъ человѣкъ все болѣе и болѣе *опытно* будетъ познавать счастье свое въ исполненіи долга: будетъ онъ *испытывать и удовольствіе* въ исполненіи долга все болѣе и болѣе—чрезъ одобреніе совѣсти и чрезъ водвореніе *мира* въ душѣ, будетъ сознавать и *пользу* для себя все болѣе и болѣе, именно, въ приближеніи къ своему идеалу на пути совершенства; такимъ образомъ, удовольствіе и польза ему, по слову Спасителя, „приложатся“, приложится какъ награда за слѣдованіе долгу. Нравственное совершенство продолжается въ безконечность, ибо идеаль его—Существо безконечное, слѣдовательно, и счастьемъ человѣка не будетъ конца. Такъ въ исполненіи долга человѣкъ можетъ найти высшее и полное благо, высшее и полное счастье, продолжающееся въ безконечность. Отсюда очевидно, что для человѣка есть возможность сводить мотивъ самолюбія къ мотиву нравств. долга, какъ его составную часть: попытки человѣка въ этомъ направленіи не остаются безплодными, увѣнчиваются успѣхомъ. Примѣры жизни всѣхъ высоконравственныхъ людей подтверждаютъ это вполне: они чувствовали въ концѣ своихъ, часто

продолжительныхъ и усиленныхъ трудовъ, въ дѣлѣ умиротворенія своей души, тишину въ ней, если не окончательную и совершенную, то относительную, или затишье, и это, затишье, конечно, ясно свидѣтельствовало имъ о томъ, что въ будущей жизни наступитъ, наконецъ, полная тишина въ ихъ душѣ, водворится въ ней полный миръ. Преподобная, напр., Марія Египетская такъ говорила о себѣ аввѣ Зосимѣ: въ теченіе первыхъ 17 лѣтъ своей пустынной жизни она, побуждаемая требованіями долга, боролась съ собой, со своими страстями¹⁾, какъ съ дикими звѣрями, но потомъ въ душѣ ея водворился миръ, и она уже могла спокойно и радостно идти по пути нравственнаго совершенства (Жит. Преп. Маріи Египетской). Слѣдуя требованіямъ нравственнаго долга, человѣкъ можетъ всѣ свои дѣйствія, даже безсознательныя — инстинктивныя, привычныя, аффективныя — стараться вводить въ свое сознаніе и придавать всѣмъ имъ ту или иную нравственную цѣну, ибо дѣйствій безразличныхъ въ нравственномъ отношеніи нѣтъ: всѣ они или приближаютъ насъ къ нравственному совершенству или удаляютъ отъ него. Такъ всю свою дѣятельность человѣкъ можетъ сводить къ единству, къ одному мотиву нравств. долга и чрезъ то водворять миръ въ своей душѣ. Правда, на землѣ людей съ совершенно умиротворенной душой встрѣтить почти нельзя. Но достиженіе высоко-нравственными людьми на землѣ относительнаго душевнаго мира свидѣтельствуетъ о томъ, что и вполне оный можетъ быть достигнуть только при слѣдованіи требованіямъ нравствен. долга, хотя въ теченіе и болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Нужно полагать, что, кромѣ испорченности нашего сердца, — чувствующаго большую сладость въ удовлетвореніи низшихъ потребностей нашей природы, чѣмъ высшихъ, — не малымъ также препятствіемъ къ полному объединенію самолюбія съ долгомъ на землѣ служитъ природное наше стремленіе къ сохраненію и развитію нашего *настоящаго* тѣла, въ каковомъ стремленіи нѣтъ ничего, побуждающаго насъ къ любви другихъ существъ, но только и есть, что стремленіе къ самосохраненію и саморазвитію; между тѣмъ какъ природное наше стремленіе къ сохраненію и развитію души само по себѣ уже побуждаетъ насъ стремиться къ истинѣ, красотѣ и добру и, тѣмъ самымъ, побуждаетъ насъ

¹⁾ Каждая страсть наша есть порожденіе самолюбія, она есть привязанность или пристрастіе нашего сердца къ тому или иному предмету относительнаго блага (по оцѣнкѣ разума) привязанность препятствующая намъ стремиться къ высшему предмету блага.

выйти изъ тѣснаго круга самолюбія. Посему, нужно думать, когда душа наша освободится отъ *сего* тѣла, которое необходимо требуетъ сохраненія и развитія его, она безпрепятственнѣ можетъ отрѣшиться отъ мотива самолюбія, можетъ свести его къ мотиву долга и, подѣ руководствомъ послѣдняго, вѣчно восходить по пути совершенства, имѣя своимъ идеаломъ Существо безконечное (Мѡ. V, 48) и въ семъ находить полное свое счастье или, что тоже, блаженство.

Итакъ, всѣ многочисленные и разнообразные мотивы нашихъ дѣйствій происходятъ въ душѣ нашей изъ двухъ основныхъ—нравственнаго долга и самолюбія, которые, въ свою очередь образуются изъ прирожденныхъ намъ стремленій—разума нашего къ благу и сердца—къ счастью. Происходящая между двумя этими мотивами въ нашей душѣ борьба можетъ прекратиться только тогда, когда мы будемъ стремиться не къ достиженію счастья, слѣдуя велѣніямъ своего сердца, а къ достиженію блага, слѣдуя велѣніямъ разума и, такимъ образомъ, мотивъ самолюбія будемъ сводить къ мотиву долга, какъ его составную часть, тогда только мы можемъ достигнуть *истиннаго* своего блага, и намъ, какъ награда за это, „приложится“ *истинное* счастье. Тогда вся наша внутренняя жизнь будетъ приведена къ единству и въ душѣ нашей водворится *миръ*.

Мона.хъ.

РОЛЬ ДУХОВЕНСТВА ВЪ БОРЬБѢ СЪ ХУЛИГАНСТВОМЪ.

Широкой волной разливается по лицу земли русской хулиганство и озорство. Газеты пестрятъ въ послѣднее время статьями, посвященными этому ужасному бичу городовъ и деревни, а хроникеры ежедневно регистрируютъ сотни случаевъ дикаго произвола и насилія со стороны хулиганствующихъ буяновъ. Власть серіозно озабочена борьбою съ этимъ зломъ; не мало усилій прилагаютъ къ изысканію способовъ парализовать указанное, по-истинѣ, народное бѣдствіе и органы нашего мѣстнаго городского и земскаго самоуправления, но мирному обывателю пока отъ этого не легче. Становится невозможно жить въ селѣ, никакая систематически-правильная работа не мыслима, такъ какъ никто изъ работающихъ сельскихъ хозяевъ не гарантированъ въ завтрашнемъ днѣ, не можетъ съ увѣренностію сказать, что плоды рукъ его не

будутъ варварски уничтожены первымъ встрѣчнымъ хулиганомъ. Деревня Россіи переживаетъ кризисъ,—тяжелое наслѣдіе вѣкового невѣжества, безправія и неуваженія къ человѣческой личности и имуществу... Но каковы бы ни были причины хулиганства, печальный фактъ полной развращенности деревни и ослабленіе нравственныхъ принциповъ, коими жило крестьянство нашей, по преимуществу, земледѣльческой страны, стоитъ предъ сознаниемъ грознымъ призракомъ, требуя исключительнаго напряженія воли и удвоенной энергии отъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ единственно, по нашему мнѣнію, можно ожидать успѣшной и плодотворной дѣятельности въ борьбѣ съ хулиганствомъ. Такими же лицами, призванными обновить современное село и могущими вдохнуть въ него начала права, чести и христіанской правды, а равно возвратить облѣнившуюся молодежь,—изъ коей собственно и вербуются кадры деревенскихъ хулигановъ,—на путь здороваго, разумнаго труда, мы считаемъ наше сельское духовенство. Въ рукахъ священниковъ нѣтъ полицейской палки,—карательныхъ мѣръ въ видѣ ссылки въ Сибирь, заключенія буяновъ въ тюрьмы и проч., что въ данномъ случаѣ не болѣе какъ палліативъ, способный развѣ вогнать болѣзнь внутрь народнаго организма, а отнюдь не излечить этотъ недугъ радикально, но они обладаютъ словомъ, могущественнѣйшимъ орудіемъ въ борьбѣ со зломъ, и возможностью создать вокругъ церкви рядъ вспомогательныхъ, спасительныхъ для народной нравственности, учреждений. Школа и церковный амвонъ,—преимущества открывающія широкой просторъ для дѣятельности въ области и моральнаго перевоспитанія темной, некультурной, но все же доброй по природѣ, народной массы. Не говорите, что слово безсильно, не твердите, что вы немощны и слабы!

Слово — могучее орудіе,—умѣйте только имъ воспользоваться, умѣйте съ честью носить этотъ Божій мечъ. Дабы слово духовенства, въ борьбѣ съ хулиганствомъ, было плодотворно и дѣйствительно, необходимо собрать всѣ силы духа и заговорить такъ, чтобы камни слышали, заговорить отъ всего сердца и души, властно, убѣжденно и разумно. Если пастыри Церкви Христовой заговариваютъ такъ именно,—развращенная деревня содрогнется, призадумается и прійдя, чрезъ нѣкоторое время, въ себя, какъ блудный сынъ, возвратится къ Отцу своему. «Отъ сердца къ Богу прямая дорога», гласятъ слова народной мудрости. Русскій народъ вправѣ ожи-

дать отъ духовенства властнаго слова, ибо съ духовенствомъ, коему ввѣрены ключи Царствія Божія, жилъ онъ тысячелѣтія, съ нимъ предстанетъ онъ и предъ Всеправеднаго Судію, если священники съумѣютъ удержать въ своихъ рукахъ власть учительства. Но далеко не одной церковной проповѣдію и преподаваніемъ Закона Божія въ начальной школѣ возможно побороть хулиганство: необходимо систематическое воздѣйствіе на весь комплексъ духовной природы народа. Для этого слѣдуетъ живой, творческой и любящей рукой организовать при храмѣ рядъ учреждений, гдѣ бы энергія народа нашла для себя разумную точку приложенія. Изъ такихъ институцій назовемъ братства церковныя, бібліотеки-читальни, вечерніе классы для взрослыхъ, народныя внѣбогослужебныя чтенія и собесѣдованія, пѣвческія капеллы и противоалкогольныя содружества. Организовать всѣ названныя учреждения, не такъ трудно, — въ Южно-Русскомъ народѣ живы воспоминанія о старыхъ (церковныхъ) братствахъ, а частью и самыя братства; сохранились и обычаи, ведущіе отъ нихъ свое начало, напр., «братскія свѣчи и хоругви», употребляющіеся при богослуженіи, погребальныя цехи и проч. Нужно лишь помнить, что для открытія и упроченія жизни братствъ одной циркулярной литературы недостаточно ¹⁾.

Итакъ, оживленіе церковной проповѣди и организація ряда вспомогательныхъ при церкви учреждений, на почвѣ родной исторической традиціи, — въ такого рода дѣятельности со стороны нашего клира видимъ мы залогъ спасенія отъ заѣдающей насъ развращенности и озорства.

(«Дух. В.»).

Вс. Крыжановскій.

О П О К А Я Н І И.

(изъ письма пастыря).

Нѣкоторые изъ насъ безъ разумѣнія исповѣдуютъ и причащаютъ народъ. Причащаютъ пребывающихъ въ смертныхъ грѣхахъ, отчего происходитъ то, что между христіанами пороки все болѣе и болѣе умножаются. До слезъ скорбитъ душа моя, когда размышляю, о томъ, какой отвѣтъ дадимъ мы на страш-

¹⁾ Пастырю необходимо самому идти на встрѣчу этой испытанной исторической силѣ, незамѣнимой и въ наши дни для подъема и обновленія церковно-общественной жизни.

номъ судѣ за допущеніе поношенія имени Христа и великаго таинства Евхаристіи. Мнѣ приходилось слышать отъ многихъ священниковъ объ исповѣди такое понятіе, какое существуетъ у іезуитовъ, допускающихъ, что для примиренія съ Богомъ достаточно одного внѣшняго покаянія безъ исправленія жизни. Они думаютъ, что Іисусъ Христосъ пришелъ для того, чтобы снять съ насъ обязанность любить Бога и дать намъ таинства, которыя все дѣлаютъ помимо насъ. Священники тоже не желаютъ уразумѣть той истины, что только подъ условіемъ нашихъ усилій Господь устраиваетъ наше спасеніе, а спасать лѣнливыхъ и безпечныхъ, лукавыхъ и хитрыхъ, значило бы потворствовать грѣхамъ. Я не говорю, что мы можемъ быть безгрѣшными, но можно съ каждымъ днемъ становиться все меньше и меньше грѣшными. Въ этомъ-то, чтобы становиться все меньше и меньше грѣшными, и есть настоящая жизнь человѣка. Покаяніе должно быть всегдашнимъ, а не приуроченнымъ только къ извѣстному времени года, времени того или другого поста. Кто въ Великомъ посту не можетъ выбраться изъ вонючаго грѣховнаго болота, не рѣшился еще бросить грѣха, служить сатанѣ, тотъ можетъ приступить къ исповѣди тогда, когда положить начало своему исправленію. Это необходимо выяснять народу, чтобы исповѣдь не приурочивали къ извѣстному времени, послѣ котораго говорятъ, что возвращеніе къ прежнимъ грѣхамъ не составляетъ большой бѣды, ибо будетъ еще постъ. Нужно намъ внушать постоянное покаянное настроеніе души, какое было у древнихъ христіанъ. Но такое настроеніе души возможно только при ежедневномъ усвоеніи сердцемъ Слова Божія. А безъ этого нельзя подвинуть и на волосъ духовнаго дѣланія. Въ древнія времена христіане не разлучались съ Словомъ Божиимъ—книги Свящ. Писанія всегда имѣли при себѣ и въ домѣ и въ дорогѣ; оттого они все свои поступки въ жизни повѣряли Словомъ Божиимъ. Теперь этого нѣтъ; оттого мы живемъ противно ученію Христа. Вотъ, напр., въ приложеніи къ Церк. Вѣд. за этотъ годъ говорится, что мы не должны чуждаться земныхъ удовольствій: а Христосъ учить удаляться отъ нихъ, говоря: кто хочетъ душу свою спасти, долженъ ее погубить т. е. лишить радости и утѣшенія жизни земной. Теперь не знаютъ, что есть утѣхи, довольство—духовныя. Кто ихъ находитъ, тотъ презираетъ земныя удовольствія, какъ препятствующія прилѣпляться къ Господу, съ Которымъ и горе становится радостью. Это слѣдовало бы уразумѣть духовенству. Для чего либо полезнаго въ скоротечной земной жизни

комитеты учреждаются, дѣлаются собранія; почему же не дѣлается этого для уясненія и усвоенія повелѣній Божіихъ, чтобы исполнять ихъ? На это отвѣтъ у насъ готовъ: Законъ Божій извѣстенъ. Я убѣжденъ, что живущіе блудно не знаютъ про Іосифа Прекраснаго, не знаютъ житія Моисея Угрина, Мартиніана, Алексѣя человѣка Божія и жизни др. святыхъ. Если бы знали Законъ Божій, то не потворствовали бы грѣху. Духовенство допускаетъ къ Св. Чашѣ негодаевъ, пьяницъ, пребывающихъ въ распутствѣ, не уничтожаетъ пьянства при крещеніи, при погребеніи, на свадьбахъ, допускаетъ пьяныхъ къ воспріемничеству, къ цѣлованію Креста и т. д. Вотъ гдѣ причина упадка нравственности. Мы не должны, какъ говоритъ св. ап. Павелъ, ради сохраненія мира, потворствовать грѣхамъ и порокомъ ближнихъ (Рим. 12 гл. ст. 18) Если возможно, будьте въ мирѣ со всѣми людьми. Тогда была бы эта возможность, если бы не было враговъ. Невозможно прожить мирно съ немирлюбцемъ врагомъ. Потому св. Церковь на землѣ называется воинствующею, что война необходимо должна продолжаться между добрыми и злыми человѣками, пока не будутъ заключены въ бездну враги Божіи. „Мните ли, яко миръ пришелъ дати на землѣ? Ни, глаголю вамъ, но раздѣленіе“ (Лук. 6, 55—56). Если миръ Христа ненавидѣтъ, то и насъ долженъ возненавидѣть. А если миръ насъ любитъ, то мы не послѣдователи Христа. „И будете ненавидимы всѣми имени Моего ради“ (Лук. 21—17). Царство небесное Господь обѣщаетъ дать нищимъ духомъ, плачущимъ о грѣхахъ, алчущимъ и жаждущимъ правды, изгнаннымъ за правду. И это малое гонимое стадо составляетъ Церковь Божию на землѣ. Малое это стадо ибо многіе стараются подлаживаться къ злымъ людямъ, чтобы избѣжать отъ нихъ гоненій. А что прогнѣваемъ Господа, подлаживаясь къ людямъ, объ этомъ не беспокоимся. И это происходитъ оттого, что не читаемъ ежедневно книги Священнаго Писанія и не усваиваемъ себѣ мыслей ихъ. Если бы мы упражнялись въ изученіи Слова Божія такъ хотя, какъ военные, напр., въ своемъ военномъ дѣлѣ, то были бы такими христіанами, какими должны быть по ученію Христа. Необходимо прилагать упражненіе въ изученіи Священнаго Писанія, даннаго намъ Богомъ для ежедневнаго питанія души, для жизни вѣчной.

Священникъ.

Необходимо объявить непримиримую борьбу и беспощадную войну алкоголизму въ Холмщинѣ.

Назрѣвшій болѣзненно-жгучій вопросъ затрагиваетъ недавнее Воззваніе Всеросс. Союза „Христіанъ—Трезвенниковъ“ и устроенный ими 28 апр. „Праздникъ Трезвости“*). Больно стало на душѣ, прочитавъ это воззваніе, а думы горькія и безотрадныя, что рой пчелъ, закружились надъ головой. Сколько мыслей, сколько картинъ, сколько образовъ...

Вотъ предъ нами аллегорическое произведеніе одного извѣстнаго русскаго поэта, правдивое по содержанию, глубокое по мыслямъ и сильное по впечатлѣнію, подъ именемъ „Богатырь“. Содержаніе его слѣдующее. По всему простору широкой и необъятной Руси, вдоль и поперекъ ея, на худой кляченкѣ, въ изодранномъ рогожномъ плащѣ, со штофомъ „пѣнника“ за пазухой ѣздитъ Богатырь. Ѣздитъ онъ и кличетъ:

„Ко мнѣ, горемычныя люди.

Ко мнѣ, молодцы, поскорѣй!

Ко мнѣ, молодцы и дѣвки,—

Отвѣдайте водки моей“!...

И кличъ этотъ не пропадаетъ безслѣдно и не остается безрезультатно. Длинными и безконечными веренищами, перегоняя другъ дружку, спѣшаютъ на зовъ всадника люди. И вотъ уже

„Рѣкою бушуетъ вино,

Въ кабацѣ до послѣдней рубахи

Добро мужика снесено...

Дерутся и рѣжутся братья,

И мать дочерей продаетъ,

Плачъ, пѣсни, и вой, и проклятья—

Питейное дѣло растетъ“!

Растетъ „питейное дѣло“, растетъ и ширится не по днямъ, а по часамъ, захватывая къ себѣ въ „полонъ“, заливая на смерть всѣ слои общества. Пьютъ теперь верхи и низы. Пьютъ въ золоченыхъ дворцахъ богачей и въ тѣсной, сырой конурѣ рабочаго, и въ душной, тѣсной избушкѣ крестьянина. И сколько крови и сколько горькихъ невинныхъ слезъ проливается изъ за этого проклятаго вина, сколько здоровья, богатства, молодыхъ силъ и могучихъ талантовъ губитъ оно,—„не сосчитать, не опредѣлить, ни мѣрой, ни числомъ“.

*) См. «Х. Ц. Ж.» № 7 и 8 с. г.

И если мы не кричимъ, не бьемъ тревожно въ набатъ, какъ закричали бы и зашумѣли, если бы народъ вдругъ началъ окуриваться опиѣмъ, то отъ того только, что проклятый „алкоголь“ у насъ „свое“, „привычное“. Но качества и слѣдствія его (по точнымъ и провѣреннымъ изслѣдованіямъ ученыхъ)—точь въ точь, какъ и опія: одуреніе, расшатанность воли и характера, нищенство, преступленія, вырожденія, смерть.

И нигдѣ такъ ярко, рѣзко и рельефно не выступаетъ наружу вся гибель и вредъ, приносимый этимъ страшнымъ порокомъ, какъ въ мірѣ рабочемъ и мірѣ крестьянскомъ*). И друзья народа, тѣ кто близко стоятъ къ нему, кто искренне любитъ его, кому дороги его интересы, скорбятъ, видя такую бѣду и горе. А пастырь, съ которымъ этотъ темный народъ связанъ самыми тѣсными узами, развѣ можетъ остаться безучастнымъ, холоднымъ и равнодушнымъ къ этой общей бѣдѣ, къ этому общему тяжелому горю? Нѣтъ, всѣхъ больше онъ долженъ потрудиться въ этомъ дѣлѣ, всѣхъ больше потратить силъ, трудовъ энергіи въ борьбѣ съ этимъ порокомъ. Вѣдь подъ его попеченіе, подъ его руководство и воспитаніе отданъ народъ.

И уже слава Богу, эта обширная, необъятная и засоренная „нива Божія“ не остается безъ „пахарей-труженниковъ“. Тихо, спокойно и незамѣтно, но неутомимо то здѣсь, то тамъ, работаютъ эти друзья народа. Но ограничиться отдѣльными выступ-

*) Мы не увѣрены въ томъ, что касательно Холмщины въ этомъ отношеніи не будетъ сдѣлано возраженій. Намъ скажутъ, что пьянство, какъ бичъ народной жизни, процвѣтаетъ въ средней Россіи, а не здѣсь. Таковымъ оппонентамъ отвѣтимъ: «неправда, тысячу разъ неправда, будто-бы Холмщина составляетъ счастливое исключеніе—не служитъ «зеленому змію». Конечно, пьянство у насъ не дошло еще до тѣхъ «геркулесовыхъ столповъ», какъ въ срединной Россіи—и слава Богу,—но что у насъ далеко не все благополучно въ этомъ смыслѣ и можно опасаться такого-же роста пьянства—тому имѣются основательные и зловѣщіе симптомы: мы знаемъ что доходъ питейныхъ лавокъ Холмщины ежегодно растетъ и въ такихъ глухихъ углахъ, какъ разные посады и мѣстечки выражается въ огромныхъ суммахъ многихъ десятковъ тысячъ. Наконецъ, довольно взглянуть хотя-бы на одну изъ винныхъ лавокъ въ нашемъ центрѣ: Холмъ—что-то невѣроятное творится около нея въ базарные дни—здѣсь тоже свой базаръ: подводы стоятъ вереницей, ожидая очереди подѣхать къ лавкѣ и загоразиваютъ дорогу: у самаго крыльца лавки собираются толпы народа, и вопреки закону совершается беззаканно открытое пьянство,—артистически ловко вышибаютъ пробку безъ штопора и пьютъ прямо изъ горлышка безъ передышки, послѣ чего посуда относится обратно въ лавку; пьютъ мужчины, пьютъ женщины, пьютъ старые, пьютъ молодые; но что всего ужаснѣе—тутъ же *спиваютъ* и сидящихъ на возахъ *подростковъ* и *дѣтей*... Мы увѣрены, что тоже творится у насъ и вездѣ и всюду.

леніями отдѣльныхъ лицъ, конечно, нельзя: общее зло требуетъ и общей борьбы, общій врагъ требуетъ и общей мобилизаціи всѣхъ пастырскихъ силъ—всѣхъ пастырей, и мы горячо призываемъ всѣхъ отцовъ и братій—объявить безпощадную войну „зеленому змію“, который нещадно истребляетъ нашу Холмщину духовно и тѣлесно: собирайте дружины трезвенниковъ, открывайте общества трезвости—и врагъ сгинетъ.

Однако начало этого святаго дѣла лежитъ въ великихъ словахъ Великаго Учителя: „врачъ, исцѣлися самъ“. Глубокія, какъ море, какъ высь поднебесная, по своему смыслу, эти слова говорятъ: врачъ, если хочешь съ успѣхомъ лѣчить другихъ,—начни прежде всего съ себя...

Пастыри собратья! Если любо намъ дѣло, къ которому мы призваны; если дороги намъ интересы своихъ духовныхъ дѣтей и интересы всего вообще родного народа, то во имя этой святой любви, отстранимъ, больше этого,—отбросимъ далеко отъ себя „зеленаго змія“. Отбросимъ разъ и навсегда. И тогда, тогда смѣло пойдемъ на „Божью ниву“, съ полной кошницей золотыхъ, тяжеловѣсныхъ зеренъ свѣтлой, разумной, доброй, трезвой жизни и будемъ сѣять, сѣять...

„Спасибо намъ скажетъ, сердечное русскій народъ“.

Р.

Въ какомъ отношеніи стоитъ Евангеліе къ культурѣ?

(Продолженіе).

Евангеліе не смотритъ на внѣшніе результаты и формы искусства и науки, а оцѣниваетъ ихъ по ихъ направленію, по ихъ духу. Въ христіанствѣ, говоритъ проф. Покровский, объ искусствѣ, „выступаетъ на первый планъ „духъ“; эстетическое наслажденіе находитъ здѣсь свои границы въ духовной идеѣ и нравственныхъ правилахъ, ограждающихъ стремленія падшей природы; а матеріальная природа является здѣсь, по выраженію проф. Крауса, эоловою арфою,—музыкальнымъ инструментомъ, какъ орудіемъ духа“¹⁾. Требуя прежде всего измѣненія настроенія человѣка, насыщенія сердца человѣческаго духомъ Христовымъ, Евангеліе „черезъ посредство личности дѣйствуетъ возвышающимъ и одухотворяющимъ образомъ на науку и искусство“²⁾, сообщая имъ христіанскій колоритъ.

¹⁾ Древне—языческое и христіанское искусство, 11 стр. Христ. Чтен. 1878 г. январь.

²⁾ Проф. Богдашевскій, Еванг., какъ основа жизни, стр. 16—17.

Самъ І. Хр. любилъ прекрасное и тѣмъ благословилъ святое искусство. Всѣмъ извѣстенъ евангельскій разсказъ, какъ на вечера въ домѣ Симона прокаженного одна женщина возлила на главу Христа драгоценное миро, и какъ отнесся къ этому Христосъ. (Мѡ. 26, 7—12; Мр. 14, 3—9; Іоан. 12, 3—8.) „Женщина, говоритъ, Пиббоди, не жалѣя возливала на главу Іисуса свой даръ; какъ бы въ отвѣтъ на глубокое человѣческое стремленіе къ красотѣ, глубокой мысли, радостной жертвѣ І. Хр. привѣтствуетъ ея дѣяніе, какъ привѣтствуетъ Онъ красоту лилій свидѣтельствующихъ о совершенствѣ Божіемъ“¹⁾.

Не правъ проф. Тарѣвъ, полагая, что на Евангеліи не можетъ процвѣтать и жизнь брачная. Благословеніе Божіе, данное въ раю первосозданной четѣ (Быт. 1, 28), вложило въ человѣка стремленіе къ общенію половъ, къ жизни брачной. Евангеліе не отмѣняетъ этого закона природы. Самъ І. Хр. присутствуетъ на бракѣ въ Канѣ (Мѡ. 24, 38—39). Говоря о брачной жизни въ будущемъ вѣкѣ, Христосъ, судя по связи мыслей, противопоставляетъ ему бракъ земной (Мѡ. 22, 25—30). Въ другомъ мѣстѣ Онъ ясно говоритъ: „оставить человѣкъ отца и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ два одною плотью (Мѡ. 19, 5; Мр. 10, 7—8). Евангеліе не отрицаетъ брака, оно лишь говоритъ, что условное—любовь къ роднымъ по тѣлу—нельзя ставить выше безусловнаго—любви къ Богу, Христу. „Кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, говоритъ Христосъ, недостоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, недостоинъ Меня“. (Мѡ. 10, 37). Въ супружескія же отношенія Евангеліе стремится внести нравственный элементъ, одухотворить ихъ, упорядочить плотскія влеченія, облагородить ихъ, возвысить естественное чувство любви въ чувство святое. „Вы слышали, говоритъ Христосъ, что сказано древнимъ: не прелюбодѣйствуй. (Исх. 20, 14). А Я говорю Вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вождѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ (Мѡ. 5, 27—28). Кто разведется съ женою своею не за прелюбодѣяніе и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ, и женившійся на разведенной, прелюбодѣйствуетъ“. (Мѡ. 19, 9; Мр. 10, 11; Лук. 16, 18).

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ І. Христосъ и соціальный вопросъ, 180 стр.; проф. Богдалевскій, Евангеліе, какъ основа жизни, 10 стр.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

18 *апрѣля*. Высокопреосвященный Евлогій, Архіепископъ Холмскій и Люблинскій, совершилъ въ Св.-Николаевскомъ соборѣ гор. Замостья пасхальныя вечерню и утреню, а 19 *апрѣля* въ томъ же соборѣ Божественную Литургію, молебенъ Св. Николаю Чудотворцу съ крестнымъ ходомъ вокругъ собора, произнесъ поученіе, посѣтилъ Спасскую церковь, совершилъ въ ней молебенъ Спасителю, произнесъ поученіе, посѣтилъ церковь Бутырскаго иѣхотнаго полка, по краткомъ молитвословіи и многолѣтіяхъ, произнесъ въ ней поученіе, посѣтилъ заключенныхъ въ мѣстной тюрьмѣ, произнесъ обращенную къ нимъ рѣчь, бесѣдовалъ съ каждымъ изъ заключенныхъ особо и посѣтилъ съѣздъ народныхъ хоровъ.

20 *апрѣля*. Высокопреосвященный возсоединилъ въ Св.-Николаевскомъ гор. Замостья соборѣ Бургомистра г. Плебанскаго и семейство г. Крочковскихъ, посѣтилъ церкви въ селахъ Чесники, Невѣрковѣ, Снятычахъ и Переспѣ, причемъ въ первыхъ трехъ церквахъ совершилъ молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церквей, произнесъ поученія, а въ церкви с. Переспы—всенощное бдѣніе съ литією въ крестномъ ходѣ вокругъ церкви и произнесъ поученіе.

21 *апрѣля*. Высокопреосвященный посѣтилъ церковь въ с. Дубѣ, совершилъ въ ней Божественную Литургію, молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, посвятилъ въ стихарь неаломщика церкви с. Чертовца Константина Сайкевича и произнесъ поученіе, посѣтилъ церковь въ пос. Комаровѣ, совершилъ въ ней молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, произнесъ поученія и обозрѣлъ кладбищенскую церковь.

22 *апрѣля*. Высокопреосвященный посѣтилъ церкви въ селахъ Тарноваткѣ, Паньковѣ, Шароволѣ, Венровомъ-Озерѣ, совершилъ въ каждой изъ нихъ молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, произнесъ поученія, посѣтилъ церковь въ гор. Томашовѣ, совершилъ въ ней всенощное бдѣніе, а 23 *апрѣля*—Божественную Литургію, молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, произнесъ поученіе, обозрѣлъ кладбищенскую церковь, посѣтилъ церковь въ селѣ Верехани, совершилъ въ ней молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви и произнесъ поученіе.

24 *апрѣля*. Высокопреосвященный посѣтилъ церкви въ селахъ Гродыславичахъ, Морятинѣ, Чертовцѣ, Чертовчикѣ, Клятвахъ, совершилъ въ каждой изъ нихъ молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви и произнесъ поученія, кромѣ церкви въ с. Чертовчикѣ, въ которой совершенъ былъ молебенъ безъ крестнаго хода и произнесено было поученіе.

25 *апрѣля*. Высокопреосвященный посѣтилъ три церкви въ посадѣ Тышовцахъ, селѣ Микулинѣ, посадѣ Лащовѣ, совершилъ въ каждой изъ нихъ молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, произнесъ поученія.

26 апреля. Высокопреосвященный посетил церкви въ селахъ Стенинѣ, Зимно, Ратычевѣ, Посадовѣ, совершилъ въ каждой изъ нихъ молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, произнесъ поученія и попутно посетилъ церковь въ с. Жерникахъ и произнесъ въ ней поученіе.

27 апреля. Высокопреосвященный посетилъ церкви въ селахъ Рѣплинѣ, Лаговцахъ, Радковѣ, совершилъ въ каждой изъ нихъ молебенъ, съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, произнесъ поученіе, посетилъ церковь въ селѣ Новоселкахъ, совершилъ въ ней всенощное бдѣніе съ литією въ крестномъ ходѣ вокругъ церкви и произнесъ поученіе.

28 апреля. Высокопреосвященный посетилъ церковь въ селѣ Телятинѣ, совершилъ въ ней Божественную Литургію, молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, произнесъ поученіе, посетилъ церкви въ селахъ Жулицы, Кмичинѣ, совершилъ въ каждой изъ нихъ молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви и произнесъ поученіе.

29 апреля. Высокопреосвященный посетилъ церкви въ селахъ Дутровѣ, Василевѣ, Сушевѣ, Потуржинѣ, совершилъ въ каждой изъ нихъ молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, произнесъ поученіе, посетилъ въ с. Потуржинѣ и кладбищенскую церковь и совершилъ въ ней заупокойную литію.

30 апреля. Высокопреосвященный посетилъ церкви въ селахъ Жабцахъ, Горошинѣ, Ощовѣ, Павловицахъ, Долгобичевѣ, совершилъ въ каждой изъ нихъ молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви и произнесъ поученія.

1 мая. Высокопреосвященный посетилъ церкви въ селахъ Голубѣ, Витковѣ, Лыкошинѣ, Старомъ-селѣ, совершилъ въ каждой изъ нихъ молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, произнесъ поученія и попутно посетилъ церковь въ селѣ Радостовѣ.

2 мая. Высокопреосвященный посетилъ церкви въ селахъ Наброжѣ, Зубовичахъ, Гонятычахъ, Вакіевѣ, совершилъ въ каждой изъ нихъ молебенъ съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви, произнесъ поученія, а въ Наброжѣ, кромѣ того, освятилъ сооруженный прихожанами памятникъ въ память выдѣленія Холмщины изъ состава губерній бывшаго Царства Польскаго. Кромѣ совершенія Богослуженій и проповѣдыванія, Высокопреосвященный въ каждой посѣщенной имъ мѣстности испытывалъ учащихся въ школахъ церковныхъ и въ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія по Закону Божію.

(Продолженіе будетъ).

При семъ № прилагается „Холмскій Народный Листокъ“ № 10-й, „Живое слово“ и „Отчетъ Попечительскаго фонда“.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

Размышленіе о мотивахъ нашихъ дѣйствій. Роль духовенства въ борьбѣ съ хулиганствомъ. О покаяніи. Необходимо объявить войну алкоголизму въ Холмщинѣ. Въ какомъ отношеніи стоитъ Евангеліе къ культурѣ? Епархіальная хроника.

Дозволено Цензурой.

Редакторъ Архимандритъ Варлаамъ.

Холмъ, Типографія Холмскаго Св.-Вогородицкаго Братства.